

Ясмiна Сапфир
СБОРНИК РАССКАЗОВ
ПО АКАДЕМКАМ

Сборники (Сапфир)

Ясмина Сапфир

Сборник рассказов по академкам

«Автор»

Сапфир Я.

Сборник рассказов по академкам / Я. Сапфир — «Автор»,
— (Сборники (Сапфир))

Я сэлфийка, способная ткать материальные иллюзии. Их можно пощупать, схватить, но живут они очень недолго. Мир людей, без магии и волшебных рас однажды наскучил, и я стала навещать Темную Империю. Технический прогресс изменил Темную Империю, придал ей изюминки современности. Я же посещала ночные клубы и бары очень могущественного и загадочного существа – Эльрика Северного. И однажды мне повезло столкнуться с ним лично... А что было потом... потом... Это уже длинная история. От автора: Два рассказа можно прочесть совершенно бесплатно. Я дарю их читателям, чтобы "распробовать" мои произведения, циклы)

© Сапфир Я.

© Автор

Содержание

Истинная дочь варвара	5
Мужчина для истинной дочери варвара	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ясмينا Сапфир

Сборник рассказов по академкам

Истинная дочь варвара

Что такое цивилизованный варвар из миров перекрестий? Это одна-две сотни килограмм живого веса, которые любят три вещи: есть, воевать и заниматься сексом.

Что такое жена варвара? Это укротительница дикого животного, женщина во всех смыслах слова и еще в нескольких, непередаваемых на общий язык.

Что такое дочь варвара? Вот тут есть варианты. Главное, чтобы у варвара был еще сын, желательно – сыновья. Десяток – вообще счастье. Тогда дочь варвара – это девушка, которую все защищают и оберегают. Нежный цветок, хрустальная ваза, принцесса за живыми брутальными стенами-братьями... Если соседские хулиганы недружелюбно смотрят в ее сторону – у них немедленно появляются проблемы с зубами. А если смотрят слишком дружелюбно – еще и с ногами. Конечно, в магических мирах есть энергия жизни и мощные колдуны, что лечат с ее помощью. Выращивают зубы, восстанавливают кости, органы и прочие составляющие варварской тушки. Но позор обеспечен нешуточный. По крайней мере, на моей родине – в Свободной Ойлитанне, мире мрагулов.

Уступить в драке для мрагула – все равно, что для землянина оказаться голым перед тысячами расфуфыренных людей на каком-нибудь чопорном официальном собрании. Ойлитанну с нами делила только одна раса – истлы. Но это уже совсем другая история.

А вот как вы думаете – что такое дочь варвара, у которого нет сыновей? Хуже того, жены у него нет тоже – умерла из-за несчастного случая. Такого, что даже энергия жизни уже оказалась бессильна.

Я вам расскажу. Это сын, жена, врач и психотерапевт в придачу. И в результате – мужик, неврастеник и нескладный, неуверенный в себе подросток.

Меня зовут Слася Вольк, и я та самая дочь варвара. Правду сказать, у меня есть еще две сестры. Но они покинули отчий дом в рекордно быстрые сроки. Вначале сбежали от нас к бабушке, где прожили без малого семь лет, а затем поступили в Академию Внушения и Наваждения. Уехали учиться пудрить врагам мозги, а своим прочищать их от неуместных и ненужных мыслей. Например, от мыслей о том, чтобы обидеть слабую мрагулку.

Друзья и приятели часто спрашивали отца, откуда в его здоровой, нормальной, хотя и неполной варварской семье внушатели? Знаменитый боевой генерал Натэл Вольк потешно сводил брови домиком и разглагольствовал, беспрестанно жестикулируя:

– Как откуда? От тещи, конечно же! Я всегда замечал в Зарре невероятные способности к мозгокрутству. Даже неоднократно испытал их на себе и готов поклясться – дар у тещи мощнейший. Всем мозгокрутам на зависть! Умудрилась же она убедить меня доверить кровиночек – старших дочерей – такой ведьме. А уж как она пудрила мозги знакомым, соседям, залетным гостям... М-м-м... Песня. Даже, можно сказать, походный марш! Бедные ведь до сих пор уверены, что любовь тещи к утренним пробежкам в одном белье – невинная причуда. И вообще характер у Зарры золотой, потому и такой тяжелый. Металл все же... Вот его-то она и передала старшим внукам – через поколение. Потом решила, что этого мало, и прибавила дар мозгокрутства. Чтобы окружающим уж совсем мало не показалось. Три ведьмы в доме – не роскошь, а средство избавиться от общества зятя.

В общем, мы с отцом остались жить вдвоем.

Меня обучали всему, что должен уметь «настоящий мужчина». В совершенстве владеть булавами, мечом и плетью. Ломать челюсть и выбивать несколько зубов с одного удара. Выра-

жаться так, чтобы у самых подкованных в ругательствах варваров уши свернулись в трубочку, и «соблазнять женщин с одного взгляда». Тот факт, что последнее мне понадобится в последнюю же очередь, не волновал отца ни капли. Он оторвался на мне по полной программе. Ни один сын не выдержал бы таких издевательств.

Побудку в пять утра, тренировку на бегу отбивать булавы, летящие точно в голову и сразу – мстить тем «несчастливым и недалеким», что их бросили. То есть – родному отцу. Слава богу, побить его не удавалось даже сотням воинственных варваров из соседних племен мрагулов. Проще завалить зейлендского мамонта ударом кулака в ягодицу или пинком разрушить каменную стену. В противном случае – ходить бы Натэлу на костылях как минимум. Ничто так не подогревает боевой дух и не тонизирует ранним утром, как запущенный в голову тяжелый предмет. Человеческий кофе рядом не стоял.

Особенно если этот тяжелый предмет швыряет любимый отец, приговаривая: «Видишь ли, дочка, ни один уважающий себя мужчина не пропустит удар булавы в темечко. А те, что пропускают, уже не помнят – уважают их или нет. Некоторые даже не помнят – мужчины ли они».

Если мне не удавалось связно прочесть наш любимый стих после трех бутылок мортвейна, отец оставался крайне недоволен. Целую неделю после этого мы пили и читали стихи, снова пили и снова читали. С тех пор мортвейн меня вообще не берет.

Неудивительно, что я была просто счастлива, когда поступила в Академию Войны и Мира.

Но здесь меня ждало очередное разочарование. В первый же день на новом месте учебы мне объяснили, чего стоит девушка, которая умеет втолковывать свою позицию лишь кулаками, делать комплименты только отборным матом и красить лицо исключительно в боевую раскраску родного племени.

На первой же лекции я поняла, что придется нести бремя изгоя. Но вот сделать меня омегой, козлом отпущения, у одногруппников не получилось. Я слишком хорошо помнила фирменный отцовский удар «с ноги под зад противника». После парочки таких меня признали «невменяемой, опасной для жизни стервой» и оставили в покое.

И я надолго осталась одинокой, непонятой дочерью одинокого варвара. Что, впрочем, не так плохо, как виделось с первого взгляда. Возвращаться домой не хотелось совершенно. Выбирая между ежедневной муштрой отца и занятиями по военной подготовке, я понимала – Академия просто пятизвездочный курорт. Сравнивая соседских парней с безумными одногруппниками, что пытались надсмехаться надо мной и проводили в медкорпусе почти каждое утро, я сделала вывод – студенты милашки.

Вот только иногда отчаянно не хватало кого-то, с кем можно поделиться горем и радостью, общаться на равных. Того, кто увидел бы за суровой внешностью и варварским воспитанием «опасной стервы» ранимую душу, куда не стоит плевать – чревато для здоровья.

Впрочем, я так долго обходилась без друзей и подруг, что успела привыкнуть. Девушки из родного поселения с детства меня побаивались. Немудрено! Первые же попытки наших совместных игр привели к тому, что «подружек» «латали» энергией жизни несколько часов подряд, а на куклах оставалось лишь изучать расчлененку. Первые попытки общения с ребятами закончились так же, но по другой причине. Я им не нравилась.

Слишком широкие плечи, слишком мускулистые ноги и руки, слишком богатая на несовершенства кожа. А чего еще ожидать от девочки, что тренируется круглыми сутками, в перерывах жарит отцу бургуза и умывается исключительно самым жестким мылом? Помнится, кот, которого отец в порыве сострадания попытался отмыть этой гадостью, неделю плевался и линял.

Натэл не расстроился ни грамма.

«Видишь, дочка, как действует на неокрепший организм наше крепкое мыло? – сообщил он, ткнув пальцем в несчастное животное. – Вот почему именно мрагулы – венец творения! Мы выживаем где угодно. В космосе, на солнце, даже среди сальфов».

Впрочем, пожив у нас еще с пару недель, кот оброс шерстью и научился ловить ляжки бургуза на лету, в двух метрах над полом. Если животному внезапно не удавался любимый трюк или отец сильно промахивался и мясо улетало в никому не известном направлении, следовал крик «Апорт!». Кот уходил на некоторое время, видимо – на поиски, но возвращался всегда с добычей. Если и не с выброшенной в необозримые дали ляжкой, то хотя бы с лично убитой крысой.

«Видишь, дочка, – вновь тыкал пальцем в нового питомца Натэл. – Никто не может устоять перед бургузьей ногой».

И в этих его словах было гораздо больше смысла, чем думал отец. Несколько раз, играя с котом, он сбивал с ног соседских сыновей. А вот нечего всяким там изучать боевую магию во дворе! Надо вовремя прятаться и всегда помнить – в руках боевого генерала мрагулов даже вишневая косточка может превратиться в оружие массового поражения. Однажды метким броском бургузьей ноги в окно отец опрокинул на спину тамгара. Крупное животное, размером с земного носорога и такое же тучное, зачем-то забрело из ближайшего леса в наш поселок. За это и поплатилось. Минут пятнадцать тамгар пытался встать, потешно размахивая в воздухе короткими, похожими на тумбы, ногами, а затем улепетывал так, как не всякому земному рысаку под силу. С тех пор тамгары из чащоб не показывались.

Я прекрасно осознавала все свои плюсы и минусы. С раннего детства привыкла к тому, что окружающим гораздо чаще хочется бежать сломя голову, чем подружиться. Пока у меня не появилась первая подруга...

В тот день ничто не предвещало беды. Розоватое здание Академии на фоне розового рассветного неба напоминало мне почему-то о разведенной в воде крови врагов. Об этом очень часто рассуждал отец.

«Видишь ли, дочка, нет ничего лучше для мытья пола и посуды, чем разведенная в воде кровь врагов – в пропорции три к одному. Проверено в походах! Желчи у бедолаг столько, что она убивает всех известных микробов, а неизвестных калечит так, что те завидуют мертвым», – говаривал Натэл Вольк всякий раз, когда я занималась уборкой. Я пользоваться его советами не рисковала и применяла ненавистное отцу «химическое оружие» – то есть моющие средства.

«Видишь ли, дочка, эти ужасные химиФЕкалии создали истлы, чтобы истребить мрагулов подчистую. Потому что в войнах мы их били не раз. Вот заразы и решили – тихой сапой извести!» – комментировал всякий раз Натэл Вольк и демонстративно уходил из дома до окончания уборки.

Но вернемся к тому самому дню икс.

Птицы нервно чирикали в ветвях – вчера наша группа случайно в очередной уже раз подожгла дерево во дворе корпуса. Похоже, пернатые все еще вспоминали тот эффектный столб пламени от земли до неба и водяные облака, что обрушили на него водники. Тогда душем окатило всех в радиусе многих метров: преподавов, студентов, котов и, конечно же, пернатых.

Несколько больших мух ошарашенно бились в оконное стекло моей квартиры. В общезжитии Академии Войны и Мира учащимся выделялись отдельные квартиры и общие – на несколько существ. Мне дали отдельную. Поначалу я переживала и даже расстраивалась из-за отсутствия соседки. Мусор попросить вынести – и то некого! Не говоря уже о том, чтобы кто-то разбудил тебя в два часа ночи и еще два часа рассказывал про «потрясающее свидание». Или того хуже – до самого утра рыдал «какой он козел»...

За такое хочется убить, но иногда такого просто хочется. Словно есть некое удивительное волшебство в глупых подростковых задушевных беседах под одеялом «из кровати на кровать».

Но потом я оценила одиночество.

Никто рядом не храпел. Студентки моего потока то и дело ругались из-за того, что одна не давала другой спать и храпела как «холостой мамонт», «десять варваров вместе взятых», «сорок диких кабанов на водопое». Почему мамонт мог храпеть только неженатым, варвары – лишь большой компанией, а кабаны – исключительно на водопое, я так и не поняла.

Следующие разборки между «дружными соседками» я наблюдала в коридоре общежития. Две таллинки часа три занимались перетягиванием зеленых шаровар, пока те не треснули и не приказали долго жить. И только в эту минуту выяснилось – хозяйка штанов нашла их под подушкой у соседки. «Зараза, которая тащит все, что плохо лежит» планировала прикупить именно эту модель на распродаже, но опоздала на полминуты. Вот и решила позаимствовать обновку хотя бы на день...

Последней каплей, после которой я твердо решила, что уж лучше завести зейлендских тараканов, чем соседку, стала худощавая истгла возле моей двери. Случилось все в тот несчастный день, который с самого утра представлялся мне совершенно обычным для Академии Войны и Мира.

Когда за окнами совсем стемнело и фонари уже не просто светили – грозили выжечь глаза к черту – я решила немного прогуляться. После отцовской муштры и тренировок мне никакие ночные променады не страшны. Посмотрела бы я на того маньяка, что решится напасть на дочь знаменитого генерала Натэла Вольк! В последний раз посмотрела, перед похоронами...

А дышать свежим воздухом, напоенным запахом ночных цветов, полезно для нервов. Нынче как раз выдался «день изгоя». Это такой традиционный подростковый праздник. День, когда тебе ненавязчиво так напоминают, что одиночество – не выбор, а вынужденная мера, чтобы избежать гадостей от добрых одноклассников.

После занятий сокурсники отправились отмечать день рождения сестры Райлины – сальфийки с нашего потока, а меня позвать «забыли». Позже мне будто бы невзначай подкинули приглашение под дверь. Словно вдруг вспомнили, что в группе на одну студентку больше. Но я решила гордо проигнорировать запоздалое раскаяние сокурсников и прогуляться под луной. То есть под окнами малого актового зала, где и происходила вся вакханалия. Моя цель была проста и понятна. Любой, кто случайно выглянет в окно или выйдет на улицу, наткнется на Сласю Вольк, обиженную в лучших чувствах и готовую обидеть остальных. Бить не буду, так, припугну. Обычно варвары перекрестий слабаков не трогали. Неспортивно, не вызывает уважения, да и молодецкую удаль особенно не потетишь. Пока развернешься, пока разомнешься – глядишь, а противник уже лежит лапками вверх. Да и жалко таких... А к слабакам мы причисляли всех, кроме скандров с мрагулами. И усердно распускали слухи о собственной драчливости, несговорчивых характерах и буйных темпераментах. Подтверждали страшными байками из родного мира, щедро приправленными ударами кулака о ладонь. На посощок демонстрировали собственные шрамы, в деталях и красках описывая, что случилось с теми, кто их оставил. Слабые духом обычно срезались где-то на середине. Совсем хилые – на первых фразах начинали подергиваться и суматошно искать, куда бы спрятаться.

И вот решила я выйти из комнаты, толкнула дверь – а та не поддается. Нет, я понимаю, когда тебе не подчиняется крепость, вражеское войско, на худой конец – мультиварка! Но чтобы родная дверь?! Такое подвоха я уж никак не ожидала. Поэтому толкнула еще раз. Снаружи послышался жалобный стон, витиеватое объяснение – насколько я добра и гуманна – и торопливые стуки коленями об пол. Кто-то энергично отползал по коридору, чествуя меня на чем свет стоит. И я, естественно, не могла не выяснить – кто это и за что мне такое счастье. То есть – с какого перепугу незваный гость посмел помянуть Сласю Вольк в столь неуважительном и многоэтажном пассаже. Нет, в родном поселении я слыхала и похуже. В основном от отца и чаще всего, когда у меня что-то не получалось на тренировках. Но все-таки.

Я распахнула дверь, и кто-то завизжал дурным голосом. Разразился еще несколькими нелитературными эпитетами и затих. Я заглянула за дверь и обнаружила там истглу. Глаза

девушки выпучились и смотрели на меня так, будто это не она, а я подпирала чужую квартиру, за что случайно и схлопотала по самым мягким местам.

В первую минуту я собиралась припугнуть девушку. Но потом мне стало ее жалко, и мы полчаса пили чай, после чего истла наконец-то заговорила. До этого момента она судорожно глотала горячий напиток и суматошно моргала. Оказалось, девушку выставили из собственной квартиры, пока соседка-сальфийка развлекалась со своим парнем. Хм... странные у сальфов, однако, обычаи. Наши никого не постеснялись бы. Не только соседку – дюжину варваров и табун тамгаров в придачу.

– Представляешь! – прохныкала истла. – Прихожу в свою комнату после трех лекций, двух практик и трех занятий по военке. Это же не учебный день, а просто пытка какая-то! И вот прихожу я вся никакая, собираясь бросить сумку в одну сторону, кости – в другую, а тут выходит эта фифочка. Вся такая расфуфыренная, раскрашенная, как фотомордель! Да-да, вот именно мордель, а не модель, как она воображает, и спокойно так заявляет: «Сегодня ночью придет мой парень. Так что переночуй, пожалуйста, у подруги».

На этом месте истла сделала страшное лицо. Будто слово «подруга» означало нечто гораздо худшее, чем то, что она еще недавно истошно вопила в мой адрес. Некоторое время она так и сидела, видимо, для пушего эффекта. Но когда птицы улетели с ближайшего дерева куда подальше, а мухи перестали биться в стекло и камушками ухнули вниз, продолжила:

– Я этой заразе говорю: «Какие подруги? Я ж недавно поступила на учебу! Перевелась из Академии Всего и Ничего! Потому что не получалось у меня там ничего». Ладно еще, слабый дар почвенника обнаружился. Можно, сказать, повезло. Иначе вообще отправили бы домой... А фифа мне в ответ: «А ты, мол, просто попросись к кому-то из соседей!» Нет, ну ты представляешь?

Я представила, как эта загогулина-девица, с носом крючком и подбородком торчком в мешковатых брюках и водолазке невнятного цвета среди ночи ломится к соседям. Если попадется парень, боюсь, он начнет опасаться худшего – попытки изнасилования. Сложно представить, чтобы на такую девушку кто-то позарился добровольно. Впрочем, как и на меня в тот период жизни. Это я отлично понимала тоже и оценивала себя трезво. Если попадется девушка, так вообще может принять гостью за домового или кого пострашнее. Огреть магией или того хуже – чем-нибудь тяжелым, вроде шкафа. В общем, предложение с подвохом. Видимо, сальфийка всерьез решила избавиться от соседки, понравилось ей жить одной. А тут незадача! Да еще и парней водить некуда! Просто кошмар!

В общем, разрешила я Ластине поселиться у меня. Не выдержало доброе варварское сердце. Да и казалось – лучше решения не придумать. Я – изгой, Ластину одноклассники моментально назначили омегой. Минус на минус дает плюс. И поначалу так оно и случилось. Мы вместе гуляли, вместе отрывались на дискотеках, вместе увлекались очередными видами спорта. Например, бегом в догонялки за невежливыми одноклассниками и превращением оных в вежливых. Я делала это простым и привычным способом – кулаками. Ластина – нытьем. Истла жаловалась на жизнь, плакалась, как тяжело пришлось ей одной с отцом, стенала, заламывала руки... И уже минут через пять виновники наших несчастий молили, чтобы я их побил. Но я дошла до невиданных высот садизма. Связывала их, тащила к нам в комнату и уходила часа на четыре. Все это время истла делилась душераздирающей историей своей жизни, очень похожей на мою. С той лишь разницей, что мужские забавы Ластине не давались, а к женским ее и близко не подпускали. В итоге – девушка ни драться, ни флиртовать не научилась. Контрольным выстрелом Ластина продемонстрировала свое «неумение» – косила глазами, подмигивала так, что чудилось – у истлы свело все лицо, и самые стойкие варвары просили пощады. Так мы развлекались ровно до одного счастливого момента. Когда на Ластину вдруг обратила внимание первая красавица потока – истла Царринда Дар.

Мы, как обычно, явились на пары раньше всех. А чем еще заняться девушкам, что не щебечут с подружками о вчерашнем свидании и не хвастаются, какую супермодную шмотку отхватили на распродаже? Царринда, как на грех, тоже раз в жизни не опоздала. Видимо, ей наскучили прежние развлечения, и королева потока решила испробовать нечто новенькое. Например, прийти на занятие вовремя. А что? Вдруг понравится?! Так, глядишь, и во вкус войдешь. И вот вошла она в полупустую аудиторию и обнаружила нас. Вернее, Ластину.

Меня Царринда знала давно. И помнила лучше некуда. Вернее, хорошо помнила ее скула, которую целых двадцать минут украшала огромная фиолетовая гематома. Сразу после того, как мне в красках объяснили, какая у меня плохая кожа, глубоко посаженные маленькие глазки и неухоженный вид. С тех пор Царринда больше не пыталась раскрыть мне «маленькие глазки» на большие недостатки внешности. А вот Ластину она еще не видела. Немудрено! Наша королева целые сутки провела в медкорпусе, наращивая слегка надломленные на военных тренировках зубы. Царринду не любили многие, но открыто выражать свои чувства не спешили. Зато на тренировках делали это с огромным удовольствием и пылом, порой не свойственным их расе. Вот так Царринда и проводила дни в медкорпусе, «ремонтируя внешность», как выражался мой отец.

Ластина только день назад перевелась в нашу группу из соседней. Решила, что жить вместе нам мало, учиться вместе – вот настоящий кайф. Я не возражала, хотя особого смысла не видела тоже. Мне соседкиного нытья хватало и в свободное от пар время... Но ей, видимо, хотелось заполнить собственными душераздирающими рассказами все мои дни до предела.

Королева прищурила темно-карие глазки, откинула за спину идеально отглаженную гриву, сверкнула белозубой улыбкой и направилась к нам. Вначале я немного опешила от такого знака внимания со стороны знаменитой Царринды. И пока та, мерно покачивая крутыми бедрами, постукивала каблучками по ступеням амфитеатра, недоумевала – что могло понадобиться королеве потока? Особенно после знаменательной встречи ее скулы с моим кулаком... Но у Царринды нашлись свои способы мести. Она выпятила пышную грудь в вырезе узкой белой рубашки, поправила поясик на тонкой талии, юбку, что едва прикрывала бедра, и остановилась возле нашего ряда. Еще несколько секунд я думала – королева забылась, что-то перепутала, в конце концов, еще не отошла от удара в зубы. Мало ли как эти хлюпки получают сотрясение мозга. Может, им одного хука в челюсть достаточно, чтобы потрясти мозг до самого основания черепа. Чего я только не передумала, наблюдая, как Царринда позирует возле нашего ряда и... даже лезет к нам.

Ластина выпрямилась, будто шест проглотила, и смотрела на королеву потока так, словно прямо под ее окнами сотни обнаженных скандров пели серенады и играли на гусях.

Царринда присела рядом с Ластинкой и произнесла так сладко, что мне срочно захотелось запить лимонным соком:

– А ты ведь новенькая? Я тебя раньше здесь не видела...

– А-а-а... я в-вас видела, – поражено заморгала соседка. – Вчера, во дворе корпуса.

– Может быть, может быть, – небрежно повела плечом Царринда. – Я приметная, изда- лека в глаза бросаюсь. Не хочешь пересечь со мной и подружками на первый ряд? Там и слышно лучше, и вид на двор гораздо интересней. Прямо напротив тренировочная площадка для скандров спецподразделения. На случай, если заскучаешь на лекции. Представь, десятки брутальных самцов, не столько одетых, сколько раздетых в тренировочные плавки? Что скажешь?

Я поняла сразу – Ластина не устоит перед таким соблазном. Сожалела ли я о потере подруги? Не особенно и недолго. Ровно неделю, пока бывшая соседка собачонкой бегала за Царриндой и тремя ее подпевалами, носила их сумки и преданно заглядывала в глаза. А потом я снова не смогла открыть вечером дверь. Теперь уже я ошибки повторять не собиралась. Хорошо разбежалась и с пинка открыла квартиру. Ластина даже не пискнула – понимала, что

восторженной встречи ждать не приходится. Я вышла, приосанилась, уперла руки в боки и спросила у отползавшей зигзагами от двери подруги:

– Ты не Царринду ищешь? Могу показать – где она живет! Если очень попросишь, может, даже провожу. Так, по старой памяти.

Ластина приподнялась, встала по стеночке и грустно сообщила:

– Они меня выгнали из компании. Сказали – просто хотели тебя позлить. Отомстить за фингалы и шишки. А ты не среагировала.

Еще бы! Я эту их месть за километры почуяла! Почти так же, как их убийственно сладкие духи из лепестков каких-то цветов. Нюхнул один раз – и все, хочется взорвать сады истлов к чертям.

– И что? – уточнила я, хотя прекрасно понимала – чего добивается бывшая подруга.

– Ну... я это... в общем... хотела... – Она подняла на меня печальные карие глаза, глубоко вздохнула и закончила: – Давай дружить заново? А? Так ведь все хорошо было...

– Прости, но я никогда ничего не теряю... – процитировала я любимую героиню из женского романа.

Я почитывала их тайком, с фонариком под одеялом, чтобы не застукал отец. Едва бравый Натэл Вольк находил мое «розово-сахарное чтиво», как немедленно сжигал его во дворе дома. А мне назначал четыре наряда вне очереди. То есть пять пробежек до соседнего поселения и обратно, три тысячи отжиманий на одной руке и сто прыжков на одной ноге через перекладину в метре над землей. И совершенно зря это делал. После такого издевательства даже над моим крепким мрагулским телом все мышцы ужасно болели. Я ложилась в постель пораньше, но уснуть не могла – уж слишком ныло тело. Приходилось начинать очередной любовный роман – отцовских походных баек я наслушалась на всю оставшуюся жизнь вперед.

Ластина подвисла надолго. Мой ответ поставил ее в тупик. Я ждала, позволяя бывшей подруге как следует поломать голову. Потому что до чертиков хотела сломать ей голову более традиционным способом. И даже не потому, что предала, бросила и забыла, а потому, что решила вернуться... Хуже того – вообразила, будто ее примут обратно. Уж лучше оставаться одной. Меньше разочарований. За последнюю неделю я отчетливо поняла эту простую истину. И не отступала от нее почти полгода.

Наконец, когда молчание стало надоедать, Ластина пригладила хвостик и робко уточнила:

– Что значит – не теряла? Ты о чем, Слася?

– Я никогда ничего не теряла. Особенно чувство самоуважения и достоинство. Поэтому возвращайся-ка ты к своей сальфийке или к Царринде. Да, в общем-то, куда хочешь. И забудь, что мы когда-то дружили.

На этих словах я торопливо захлопнула дверь и больше часа пролежала в постели, уткнувшись лицом в подушку. Я понимала – другую подругу такая, как я, найдет вряд ли. Осознавала – Ластина вовсе не столь и плоха. Ну кто откажется дружить с королевой потока, великолепной Царриндой? Об этом же грезят все девушки потока! Даже те, что люто ненавидят Царринду и тайком выбивают ей зубы на занятиях по военке. Да и парни мечтают тоже! Разве только я не мечтала. Слишком уж хорошо видела эту высокомерную стервозину, фальшивую насквозь. Начиная от идеально сглаженного тональным кремом лица, длинных подкрученных тушью ресниц и заканчивая гнилой душонкой. Училась Царринда не сильно лучше меня, знанием наук не блистала, да и магией владела посредственно. В общем, мы ничем не отличались друг от друга, если смотреть чуть дальше красивой одежды и лица. В те времена я считала себя уродиной. Скажи тогда кто-то, что я превращусь в соблазнительную диву, Мату Хари мрагулской расы – расхохоталась бы в глаза!

Впрочем, это уже совсем другая история.

Пока же я на долгие месяцы вновь погрузилась в полное одиночество. Но затем случился очередной катаклизм мебельного значения.

За это время я успела убедить себя, что дружба в наше время ничего не стоит, а женщины на нее не способны в принципе. Либо они тебе страстно завидуют, преданно заглядывая в глаза, либо хихикают за спиной лишь потому, что ты не такая, как все. Либо все вместе. И я вполне стойчески справлялась со своим положением. В группе меня больше не трогали. Царринда поняла, что наказать меня с помощью подруг невозможно. Да и шанса такого больше не представится. Хотя я почему-то была уверена – королева потока не менее одинока. Только в глубине души.

Однажды я убедилась в этом воочию. И уродись я немного более меркантильной, подлой, в общем, такой, как Царринда, об этом знал бы уже весь поток.

Как-то поздним вечером я гуляла под окнами Академии Войны и Мира. Вдыхала свежий воздух с запахом росы и цветов, любовалась звездным небом и отдыхала от учений.

«Видишь ли, дочка, нет ничего лучше для убитых тренировками мышц, чем еще несколько убийственных тренировок. Тогда тело понимает – лучше уже не будет, а вот хуже – запросто. И перестает столь сильно тебя беспокоить», – часто говаривал Натэл Вольк.

На такой подвиг после трех пар с Бурбуруссом Брабана по прозвищу Генерал я не решилась. Но прогуляться представлялось удачной идеей. Ноги перестали так сильно ныть, шея – затекать от перенапряжения. И если бы не визжание местных птиц и вопли котов, я вообще чувствовала бы себя прекрасно.

Вот шла я себе, шла куда глаза глядят, и вдруг куст на газоне справа замахал ветками, зашелестел и... заплакал дурным голосом обиженной в лучших чувствах истлы. Как бы плохо ни давались мне точные науки, одно я заучила давно – кусты не могут сами по себе шевелиться и уж тем более – рыдать. Поэтому остановилась, раздвинула ветки и... обнаружила Царринду. Она сидела на газонной траве, нисколько не жалея свои оранжевые шорты, из дорогого атласного материала, и горько плакала. Наверное, мне стоило прислушаться к советам отца. Он любил говорить: «Видишь ли, дочка, если застал врага в горе, пожалей его – добавь еще! Тогда он поймет, что зря расстраивался – ведь бывает и хуже!» Но я не смогла. Царринда с ужасом наблюдала, как я перешагиваю образовавшийся в кусте проем и устраиваюсь рядом. Мне одежду беречь не требовалось, так что я просто плюхнулась на траву.

– Все в порядке? – осведомилась у одноклассницы. Так, чтобы начать разговор. Ясное дело, все не в порядке, если истла рыдает, как сотня зейлендских белуг!

Царринда всхлипнула, потерла лицо, размазав тональный крем до появления редких несовершенств и даже маленького шрама на носу и промямила:

– Илланда... пошла на свидание с Ррангаром Ашкилази.

Я пожала плечами.

– Ну ты не переживай. Вернется твоя Илланда. Ррангар конечно скандр. Но они женщин не бьют, не калечат и не убивают. И уж точно не сжирают вместе с потрохами!

Царринда посмотрела так, словно я только что вырвала ей зуб без анестезии, минуту помедлила и зашлась рыданиями.

Сквозь них прорвалось:

– Я... с ним... встречалась... Уже целую неделю! Мы почти жених и невеста... Почти муж и жена... А тут эта... я же сама их познакомила... Вот дура!

– Илланда точно дура! – отозвалась я. – Как не побоялась покуситься на твоего парня...

Царринда вновь подняла на меня пораженный взгляд. Но вместо очередного недовольного объяснения разразилась благодарностями:

– Слася. Спасибо. Я думала, ты это... Ну совсем. А ты ничего.

– Да ничего. Я тоже думала – ты совсем. А ты ничего, – ответила я в том же духе. Тем более что из абракадабры Царринды поняла только два слова: «Спасибо» и «Слася».

– Э-э... А не хочешь стать моей новой подругой? – с внезапной добротой предложила Царринда. – Я тебя одеваться и краситься научу. Ухаживать за собой, наконец. А то посмотри на себя! Не девушка, а чучело!

Я знала – королева потока мастер на убийственные комплименты. После них Царринду хотелось убить трижды, воскресить с помощью энергии жизни и повторить процедуру заново. Но истла не остановилась на достигнутом и обрушила на меня всю мощь собственной деликатности:

– Видишь, у тебя много прыщей, кожа очень бледная, жирная, все время блестит. Глаза глубоко посаженные, маленькие. И ноги слишком мускулистые. Так нельзя...

Я тоже подумала, что так нельзя, и начала понимать Иллendu. В моем представлении сухошава сальфийка с низким лбом и курносом носом тоже была далека от идеала. Даже от Царринды. Но это же не повод напоминать об этом каждую минуту! Перечислять все недостатки в лицо, не разбавляя хотя бы мизерными достоинствами. Например: «Боже, какие у тебя маленькие глаза, но зато какая большая варварская душа!» Вот это я понимаю – критика в разумных пределах. Или еще: «Какая у тебя несовершенная кожа, но зато какой совершенный удар с ноги в нос!» Тоже ведь ничего сложного. Но у Царринды талантов не хватало. Она продолжала объяснять, как плохо я выгляжу, еще минут пятнадцать. А потом подытожила:

– Это сложно, почти невозможно, но я постараюсь тебе помочь. В конце концов, на то и существуют настоящие подруги? Разве не так?

Я посмотрела в преисполненные дружеского азарта глаза Царринды, погладила ее по плечу и произнесла:

– Спасибо. Но я, пожалуй, воздержусь. Одна настоящая у меня уже была. Ты ее помнишь.

Царринда собиралась возражать, набрала полную грудь воздуха. Но я совершила то, за что отец никогда не простил бы свою «настоящую-мужчину-дочь», – сбегала. Не помню, как перемахнула через куст, как долетела до общежития и как запрыгнула в собственное окно. Помню только чай с ромашкой и мысль о том, что не создана для настоящей женской дружбы. Когда узнаешь про себя все самое «прекрасное», и добрая приятельница с тяжким вздохом клянется попробовать это исправить. Нет, пожалуй, лучше одной.

Вести из дома совсем не порадовали. Отец писал, что сестер похитили зеленые великаны-крипсы и заставили выносить своих детей. Узнали мы об этом уже намного позже. Бабушка держала все в тайне – отчаянно надеялась, что крепкие организмы мрагулок выдержат. Но они не сдюжили. Сестры сошли с ума, и теперь оставалась одна лишь надежда – победить зеленых великанов и довериться медикам Академии. Они туманно обещали помочь, но как именно – не сказали. Я привыкла рассчитывать на лучшее и просто готовилась к сражению с крипсами. Планировала на языке кулаков и боевой магии доходчиво объяснить гадам, насколько семья Вольк не в восторге от их подлых действий.

Но вот чего я совсем не учла, так это того, что в дни магнитных бурь одиночкам не так-то просто спастись.

В тот день о буйстве стихии нам сообщили по общевузовской сигнализации. Прочистив уши и убедившись, что нормально слышать начну нескоро, я влилась в бурный поток беженцев от летучей мебели.

Все здание Академии, а также предметы интерьера бронзировали. Так вузовское имущество защищали от нашей магии и остаточной энергии. Иначе – хана зданию. И всем, кто находился внутри в момент «ханы», – тоже. Увы. Каждое действие имело противодействие. Этому научила меня чуть позже настоящая подруга, о которой я уже не мечтала.

Так вот... Мы рванули на верхний этаж здания, заранее подготовленный к мебельному безумию. Все двери там открыли загодя и прижали увесистыми булыжниками. С потолков сняли все, что могло разбиться. Не только светильники, но и случайно вывешенные на провода

грязные рубашки нашего преподавателя – сальфа Граммидьера Лаферта. Он не забывал разве что собственное имя и, конечно же, свой предмет, физику.

Разбуди Граммидьера посреди ночи, спроси, где его сумка, брюки, да хотя бы нижнее белье, – сальф только пожал бы плечами. Но уточни какой-нибудь мудреный закон динамики или той же кинематики – Лаферт отчеканил бы в ту же секунду. И привел десятки примеров, как проявляется этот закон в природе.

Поначалу все шло неплохо. Мебель прибывала поодиночке, пыталась атаковать ножками в голову, дверцами в лицо, будто стремилась дать нам пощечины за бронзирование. Углами целилась точно в глаза, словно мечтала избавить нас от зрелища собственного позора. Ну какой же уважающий себя шкаф килограмм под сто будет реять над полом и размахивать дверцами, словно птица?

Я отскочила к стене и уворачивалась от бронзированного града очень даже неплохо. Но затем... в двери хлынул бурный поток шкафов, стульев, столов и сейфов. Казалось, вся перекрестная мебель решила посетить нашу Академию и устроить тут дискотеку.

Некоторое время я еще спасалась от бронзированных истребителей. Но в один прекрасный момент отвлеклась на Царринду. Та едва не попала между углами трех шкафов. Еще минута – и носить бы Царринде повязку на глазу, как Бурбурусс. Двое одноклассников бросились на помощь, но успеть не смогли бы. Я подскочила к стене, схватила на лету сейф и метнула в один из шкафов. Тот не особенно впечатлился силой моего удара. Хотя отец утверждал, что по метанию сейфов дал бы мне черный пояс. Сразу после того как я выбросила все его сейфы для заначек в окно.

В общем... Царринду я спасла, но самой пришлось туго. Стоило обернуться, как стало ясно – дело дрянь. Со всех сторон в меня летели бронзированные истребители. И сделать я уже ничего не успевала. Метнись вправо – получишь ножкой в глаз, дернись влево – в голову углом, попытайся подпрыгнуть – схлопочешь в живот дверцей. Мне ничего не оставалось, как замереть и молиться. Но в тот момент, когда я уже обдумывала, как поползу в медкорпус с переломанными ногами, прикидывала, из чего можно сделать костыли, чем остановить кровь и мозги из раскроенного черепа... мебель замерла в воздухе.

Новая преподавательница – молодая, красивая, но, на первый взгляд, слишком хлипкая для нашего варварского вуза – оказалась магнетиком. Ее дар спас мне жизнь, а появление в Академии – веру в дружбу.

Дальнейшее помню плохо. Наверное, потому, что Вархар Изилади, наш проректор, еще некоторое время тряс меня как куклу на шарнирах. Пытался втолковать, что не позволит больше рисковать жизнью и здоровьем «Оленьки». То есть Ольги Искандеровны, той самой новой преподши. Я слушала Вархара вполуха. Сказался шок в ожидании самого страшного и позорного для мрагула – необходимости искать костыли или ползти, поливая кровью с мозгами академические дорожки. Да и глубокое удивление от действий проректора ввергло в недолгое замешательство. Нет, я уже видела его в гневе и даже в радости. В обоих случаях преподы начинали метаться по Академии, усиленно делая вид, что работают не покладая рук, ног и мозгов. То есть вообще ничего не покладая. Кроме разве что бульжников, вырванных из стены в рабочем запале, да кусков мебели, совершенно случайно осевших на пальцы в процессе объяснения темы.

Какой же сотрудник Академии Войны и Мира хотя бы раз не пробивал ладонью дверцу шкафа? Или не ломал столешницу пополам? Наверное, только Ольга Искандеровна. Я изучала ее красивое лицо с тонкими чертами и впервые в жизни ловила на себе непривычный взгляд. Взгляд существа, что не собирается делать из тебя мужчину и даже «настоящую подругу». Мага, который не боится меня ни капельки. И в глубине души не мечтает отомстить за заслуженный удар в глаз после незаслуженных издевательств и оскорблений.

Я даже не думала что однажды кто-то посмотрит на меня так... С сочувствием и пониманием, с искренним участием. В эти минуты, несмотря на то, что я все еще барахталась в руках Вархара Изилади и безустанно указывала ему на очередную бронзированную атаку, стало ясно – Ольга Искандеровна не обычный преподаватель. А уж когда она не отметелила и даже не отчитала студентов, что прятались неподалеку от нас в «безопасной зоне», среди остановленной на бреющем полете мебели... Вот тогда стало ясно – Ольга удивительной души существо.

В тот день девушка-изгой Слася Вольк умерла и родилась новая Слася – привлекательная, уверенная в себе и... подруга Ольги.

Я пришла к ней вечером под предлогом, что прошусь на практику. Я понимала, что такая, как Ольга – честная и порядочная, умная и интеллигентная, непременно откажет. Но надеялась, что мы пообщаемся и поймем друг друга. Так оно и случилось.

В тот же вечер, едва вернувшись в общежитие, я претворила первый совет Ольги в жизнь – сделала солевую маску. Моей коже, продубленной ветрами любимого поселения и жестким отцовским мылом, бояться было уже нечего. Но эффект получился невероятным! Я смыла морскую соль и долго пялилась в зеркало, не веря собственным глазам.

Прыщики почти прошли, кожа стала более гладкой и даже нежной, а взгляд засиял. Наверное, от осознания того, что впервые в жизни мое лицо выглядит не особенно хуже лица Царринды.

Следующим этапом стал выход в свет, то есть на лекцию, в присоветованном Олей костюме – черных брюках в обличку и футболке с V-образным вырезом. Я вошла в аудиторию, виляя бедрами как Царринда – этой ее походке учиться не следовало, но я научилась. Так, от нечего делать. Хотя бы для того, чтобы доказать – научиться вилять задом может каждая, а вот разбивать кулаком черепа и ломать ноги о колено – лишь единицы.

На мою новую красивую кожу и выпяченную грудь одноклассники отреагировали сильнее, чем предполагала.

Царринда как стояла, так и села, и только открывала рот, словно рыба, выброшенная на берег залетной волной. Возле меня немедленно образовалась стайка парней. В основном, варваров, но сальфов с истлами тоже. Одни бубнили о моем преобразении, другие рассыпались в длинных комплиментах, третьи просто смотрели преданными глазами. Но почему-то совсем не в глаза, а в декольте. Вот так благодаря Оле я познала женскую дружбу, мужское внимание и научилась себя уважать. А это главное!

Потом мы прошли сквозь огонь и воду. Но всем, чего добилась, я обязана мебельному граду и Оле, которая очень вовремя приехала в Академию. Без усилий завоевала всеобщее уважение, симпатию Вархара и место на кафедре. Завоевала не кулаками, как привыкли местные варвары, и даже не угрозами – чистым сердцем, добротой и беспримерной отвагой. Оливной сестре очень повезло, а мне – и подавно.

Я нашла подругу, затем десятки воздыхателей, а спустя несколько месяцев... жизнь совсем наладилась. Только это уже совсем другая история. И рассказывать ее нужно не мне – а Оле с сестрой. Собственно, они все и рассказали. Читайте и удивляйтесь.

Мужчина для истинной дочери варвара

Что такое леплер? Это без пяти минут перекрестный варвар. Вот только рост у него чуть пониже, лицо слегка более женственное, а характер немного поговорчивей. Прибавьте к этому килограмма три блесков, килограмм пять клепок и пряжек, одежду десятков экстремальных оттенков, от которых рябит в глазах. И вот вам раса во всей красе. Во всем остальном леплеры ничем не отличаются от скандров с мрагулами. Больше всего на свете они любят три вещи: сражаться, заниматься сексом и есть.

Вот уж никогда не подумала бы, что первым моим парнем станет леплер. Но так уж получилось. На знаменательном балу в Академии Войны и Мира, где случился настоящий триумф Слаши Вольк. Триумф как женщины, студентки и... противницы методов Царинды.

На праздник меня наряжала Оля. Голубое платье, брошь и туфли на высоком каблуке преобразили меня совершенно. Кто бы мог подумать, что я надена нечто подобное? Я уж точно не думала. Хотя отец наверняка остался бы доволен.

«Видишь ли, дочка, настоящий мужчина носит такую одежду, чтобы у всех женщин в радиусе ста километров отпадала челюсть, и возникало одно лишь желание – создать с ним пару. В худшем случае – познакомиться».

Подозреваю, отец не ожидал, что на меня позарятся именно женщины. Во всяком случае, очень на это надеюсь.

К сногшибательному бальному наряду прилагался естественный макияж, и распущенные крутые локоны. Сама Оля собиралась на бал с Вархаром, и я уступила дорогу проректору. Все, кто знал его хотя бы минуту, хотя бы секунду, понимал: если Вархар Изилади решил занять женщину – он займет ее целиком. Каждое мгновение ее времени, каждую толику ее внимания, каждый взгляд и танец.

Вот почему я потихоньку ретировалась, пока проректор приходил в себя от вида сногшибательного платья Оли. Такое не всякий мужчина выдержит. Почти весь наряд был пошит из тонкого черного кружева, и лишь в некоторых, самых нескромных местах его заменял чуть более плотный трикотаж. Честно говоря, я очень порадовалась, что Оля отправилась на бал именно с Вархаром. Без варвара под боком в таком платье женщина не пройдет и нескольких шагов. И не только в нашей Академии – почти в любом месте, где мужчины еще не забыли, что они мужчины.

Я приехала на нужный этаж и немного помялась возле дверей танцевального зала. Все-таки в платье меня здесь еще никто не видел. Больше скажу – я сама впервые видела себя в платье...

Выдохнула, как перед прыжком в ледяную воду, вошла и... мгновенно стала центром внимания одноклассников. А потом – и студентов других потоков. Поначалу я вообще упустила Олю из виду. Лишь краем глаза зацепила их с Вархаром в дверях помещения. Убедилась, что все хорошо, эти двое нашли общий язык, больше не цапаются по пустякам, и отвлеклась уже надолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.